

271. И. С. ТУРГЕНЕВУ

21 сентября (3 октября) 1856. Рим

Рим, 3 октября.

Милый Тургенев.

Я писал из Вены к Фету¹ — вероятно, он тебе сказывал; желал бы я от тебя получить весточку. Где ты будешь зимой? Хорошо ли живешь? Я целые 8-мь дней был доволен своей судьбой — это так много, что я и не ожидал. Девятый вал меня немного подшиб, — но в этом, кроме моей хандрящей натуры, никто не виноват. Полагаю, что если при гнусных условиях петербургской жизни лет семь мог я быть влюблен и счастлив, то под хорошим небом, при условии свободы и беспечности, этого чувства хватило бы на 21 год по крайней мере. А(вдотья) Я(ковлевна) теперь здорова, а когда она здорова, тогда трудно приискать лучшего товарища для беспечной бродячей жизни. Я не думал и не ожидал, чтоб кто-нибудь мог мне так обрадоваться, как обрадовал я эту женщину своим появлением. Должно быть, ей было очень тут солоно, или она точно меня любит больше, чем я думал. Она теперь поет и подпрыгивает, как птица, и мне весело видеть на этом лице выражение постоянного довольства — выражение, которого я очень давно на нем не видал. Все это наскучит ли мне или нет, и скоро ли — не знаю, но покуда ничего — живет². Вот тебе очень откровенное, хоть, может быть, и не очень поэтическое решение того вопроса, который меня занимал, когда мы с тобой прощались.

О путешествии не умею ничего сказать. Не потому, впрочем, чтоб ровно ничего не заметил, а потому, что как-то сам еще плохо доверяю впечатлениям, которые испытываю, и мыслям, которые приходят в голову. Одно верно, что, кроме природы, все остальное производит на меня скорее тяжелое, нежели отрадное впечатление. В Ферраре забрел я в клетку, где держали Тасса, и целый день потом было мне очень гадко. Вся стена исцарапана именами приходивших взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему от этого радости!). Я не посмел нацарапать своего имени там, где, между прочим, прочел имя Байрона, а хотелось.³

Мне очень понравилась Венеция. Там я прожил 8 дней. В Риме я всего второй день. Сейчас едем в Фраскати. Погода удивительная, хочется зелени — думаю там нанять на месяц нечто вроде дачи — рано еще забиваться в городе в четырех стенах. Впрочем, хорошенько не знаю еще, что сделаю: может быть, пожив неделю или две в Риме, поеду в Неаполь — поживу там и тогда уже решу — в Риме или Неаполе просидеть зиму.⁴ Скажи это Фету, которого я целую, обнимаю и жажду видеть. Я его письмецо в Венецию получил. Если ему нечего делать в Париже, пусть едет к нам — нечего и говорить, что мы будем ему рады не менее, чем он нам. — А ты? Я бы тебе советовал на зимние месяцы два-три приехать в Италию. Право, прожили бы их недурно и, может быть, что-нибудь сделали бы. Пиши мне тотчас ответ (и Фета о том же прошу). Я если и решусь ехать в Неаполь, то дождусь здесь вашего ответа. — Послал ли ты «Фауста»⁶ в Петербург?

Да и с комедией не мешкай.⁶ Будь здоров.

Твой Н. Некрасов.

Адресуй в Рим, *poste restante*.

Примечания

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 60—60 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 606—607.

¹ Это письмо Некрасова к А. А. Фету неизвестно.

² Встреча Некрасова с А. Я. Панаевой произошла в Вене в августе 1856 г.

³ Торквато Тассо по приказу герцога Феррарского был объявлен в 1579 г. сумасшедшим и держался в заключении.

⁴ Маршрут путешествия Некрасова изменился. Из Вены он приехал в Венецию, из Венеции 11 сентября — во Флоренцию, 20 сентября Некрасов приехал в Рим, 10 января 1857 г. — в Чивита Веккия, затем в Ливорно; 25 января прибыл в Париж, где его встретили Тургенев и А. А. Фет. Маршрут прослеживается по переписке с Тургеневым (см.: Тургенев, Письма, т. III, с. 86—87).

⁵ Речь идет о Повести Тургенева «Фауст» (С, 1856, № 10), высоко оцененной Некрасовым (см. п. 265). После чтения повести в Петербурге в присутствии Некрасова, В. П. Боткина, И. И. Панаева Тургенев переделывал «Фауста» за границей и 18 августа 1856 г. отправил исправленную редакцию в Петербург И. И. Панаеву (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 8).

⁶ См. п. 256, примеч. 11.